ПОКАЯНИЕ И ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В «ПОУЧЕНИИ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Даминова Фазода Ирисовна
доцент кафедры сравнительного литературоведения
Самаркандского государственного института иностранных языков
DOI:https://doi.org/10.5281/zenodo.23869819

Annotatsiya: Mazkur maqolada Vladimir Monomaxning «O‘git» («Поучение») asarida tavba, ruhiy poklanish va insonning ma’naviy kamoloti masalalari tahlil qilinadi. Tadqiqotda tavba, ko‘z yoshi va saxovatga asoslangan uch amalning axloqiy mazmuni, kamtarlik, mehnatsevarlik, adolat, rahm-shafqat hamda kechirimlilik o‘rtasidagi bog‘liqlik yoritiladi. Asarning nasihat, tarjimayi holga oid hikoya va Oleg Svyatoslavichga yo‘llangan maktubdan iborat qismlari yagona ma’naviy-falsafiy tizim sifatida ko‘rib chiqiladi. Vladimir Monomax uchun tavba insonning faqat ichki hissiy kechinmasi emas, balki boshqalar oldidagi mas’uliyatda, zo‘ravonlikni cheklashda va kundalik ezgu amallarda namoyon bo‘ladigan faol jarayon ekani asoslanadi.

Kalit so‘zlar: Vladimir Monomax, «O‘git», tavba, ma’naviy kamolot, qadimgi rus adabiyoti, nasihat, kamtarlik, saxovat, kechirimlilik, axloqiy mas’uliyat.

Аннотация: В статье исследуется нравственно-философская концепция покаяния и духовного совершенствования человека в «Поучении» Владимира Мономаха. На материале наставлений, автобиографического повествования и послания Олегу Святославичу анализируются взаимосвязь внутреннего раскаяния и практического доброделания, смысл триады «покаяние - слёзы - милостыня», а также функции смирения, труда, милосердия, справедливости и прощения. Особое внимание уделено соотношению христианского идеала и реального опыта княжеского управления, в том числе нравственным противоречиям между воинским долгом и принципом сохранения человеческой жизни. Показано, что духовное совершенствование понимается Мономахом не как уход от мирской деятельности, а как постоянная нравственная работа над собой и ответственное отношение к другим людям.

Ключевые слова: Владимир Мономах, «Поучение», покаяние, духовное совершенствование, древнерусская литература, милосердие, смирение, прощение, христианская этика, княжеская ответственность.

Abstract: The article examines the moral and philosophical understanding of repentance and spiritual self-improvement in Vladimir Monomakh’s Instruction. Drawing on the didactic section, the autobiographical narrative, and the letter to Oleg Sviatoslavich, it explores the relationship between inner repentance and practical good deeds, particularly the triad of repentance, tears, and almsgiving. Humility, diligence, mercy, justice, restraint, and forgiveness are considered as interrelated components of ethical formation. The study also discusses the tension between the Christian ideal and the realities of princely rule. It argues that spiritual perfection is represented not as withdrawal from public life but as continual moral self-examination and socially responsible action.

Keywords: Vladimir Monomakh, Instruction, repentance, spiritual improvement, Old Russian literature, mercy, humility, forgiveness, Christian ethics, moral responsibility.

Введение

«Поучение» Владимира Всеволодовича Мономаха занимает особое место в древнерусской словесности рубежа XI–XII веков. Перед читателем не только свод правил христианского поведения, адресованный детям князя, но и индивидуальное высказывание человека, стремящегося оценить собственный жизненный путь перед лицом нравственного закона. В этом произведении религиозное размышление не отделено от государственного служения: забота о спасении души выражается через действия правителя, отношение к зависимым людям, суд, гостеприимство, семейную и воинскую ответственность. Такое соединение позволяет рассматривать текст как ранний опыт нравственного самоотчёта светского автора[1].

Актуальность темы определяется тем, что покаяние в «Поучении» часто сводят к ряду религиозных предписаний, тогда как оно организует значительно более широкую модель личностного преобразования. Внутреннее признание несовершенства, готовность отказаться от мстительности, деятельная помощь нуждающемуся, проверка собственных поступков и обучение добру образуют последовательные стороны одного процесса. При этом художественно-нравственный смысл текста возникает из напряжения между высказанными нормами и реальной биографией князя, связанной с походами, политическими конфликтами и необходимостью принимать властные решения.

Цель настоящей статьи - раскрыть покаяние как смысловой центр концепции духовного совершенствования в «Поучении» и выявить способы его выражения на идейном, композиционном и речевом уровнях. Материалом исследования служат три традиционно выделяемые части памятника: собственно наставления, повествование князя о своей деятельности и письмо к Олегу Святославичу. Используются историко-литературный, герменевтический и мотивный методы; при интерпретации учитывается различие между прямым смыслом авторского наставления и исследовательской реконструкцией его этической логики.

Жанровое единство памятника и нравственная перспектива автора

Своеобразие «Поучения» состоит в сосуществовании нескольких форм речи. В наставлениях автор непосредственно обращается к детям, формулируя общие правила поведения; в рассказе о собственных трудах он приводит опыт, призванный подтвердить осуществимость этих правил; в письме к Олегу Святославичу нравственный принцип проверяется обстоятельствами тяжёлого межкняжеского конфликта. Между этими частями не следует устанавливать механическое равенство: каждая имеет свою непосредственную задачу, однако все они подчинены вопросу о том, как человек, наделённый властью и подверженный страстям, должен отвечать за собственные решения.

Исследовательница Л. Г. Дорофеева предложила рассматривать «автобиографию» князя через категорию исповеди-самоотчёта и подчеркнула смыслообразующую роль мотива покаяния. Такое прочтение важно потому, что оно выводит анализ за пределы простого перечисления событий и позволяет увидеть в рассказе о походах не саморекламу в современном понимании, а обращение к прожитому как к нравственному испытанию.[2]

Вместе с тем понятие «исповедь» применительно к памятнику требует уточнения. Мономах не создаёт последовательного перечня прегрешений и не воспроизводит богослужебную форму покаяния. Его нравственный самоотчёт обращён одновременно к Богу, детям и более широкому кругу читателей. Поэтому исповедальное начало здесь сосуществует с дидактическим, политическим и памятно-биографическим: автор

[1] Поучение Владимира Мономаха / подгот. текста и пер. Д. С. Лихачёва // Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1969. – С. 146-171.
[2] Дорофеева Л. Г. Мотив покаяния и сюжетные особенности «Автобиографии» Владимира Мономаха // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. ¬– 2011. Вып. 8. – С. 128-132.

намерен не только судить себя, но и передать практический опыт сохранения внутренней цельности в мирской жизни.

Покаяние, слёзы и милостыня: триада духовного обновления

Важнейший фрагмент нравственного учения Мономаха - рассуждение о трёх добрых делах, посредством которых человек способен противостоять злу: покаянии, слезах и милостыне. Триада обозначает разные, но неразрывно связанные измерения духовной жизни. Покаяние связано с осознанием собственных ошибок и обращением к исправлению; слёзы выражают глубину переживания и внутреннюю непримиримость к совершённому злу; милостыня делает перемену сердца видимой в отношении к ближнему. Тем самым автор не ограничивает духовное совершенствование эмоциональным опытом: искренность раскаяния должна подтверждаться действием.[3]

Показательно, что путь к милости Божией представлен как доступный человеку, остающемуся в повседневном мире. Мономах не противопоставляет монашескому подвигу беззаботное существование: он утверждает возможность духовной дисциплины для тех, кто связан многочисленными социальными обязанностями. В этой логике нравственное усилие измеряется не исключительностью аскетического опыта, а постоянством скромных добрых дел. Каждодневная помощь, внутреннее внимание и молитва не ниже публичных достижений, поскольку непосредственно изменяют способ человеческого поведения.

А. А. Волкова связывает этическую программу «Поучения» с воздействием христианской святоотеческой мысли, рассматривая её одновременно в контексте локальной культурной традиции. Её интерпретация важна для понимания того, что князь не просто повторяет отвлечённую моральную формулу: унаследованные религиозные идеи приспосабливаются к положению мирянина-правителя. Однако конкретный механизм этого приспособления точнее выявляется в самом тексте - в переходе от молитвы к суду, от рассуждения о грехе к заботе о бедном.[4]

Из трёх названных действий именно милостыня предотвращает замыкание покаяния на самом себе. Человек не может считать себя преображённым только потому, что осуждает прошлый поступок или испытывает скорбь: необходима готовность преодолеть равнодушие к чужой беде. Для князя это означает особенно многое, поскольку его решения влияют не на одну частную судьбу, а на целые общины. Итак, личное покаяние превращается в принцип общественного поведения, а милосердие - в проверяемый критерий духовного изменения.

Смирение и память о смерти как преодоление княжеской гордыни

Смирение в «Поучении» выполняет функцию противовеса властной самоуверенности. Мономах начинает с обозначения собственной слабости и греховности, а в нравственных предписаниях напоминает о краткости земной жизни. Подобная интонация разрушает возможность безусловного оправдания человека его высоким происхождением, победами и почестями. Перед конечностью бытия титул и богатство оказываются временными преимуществами, за которые необходимо отвечать, а не основаниями превосходства.

Мотив памяти о смерти имеет не столько устрашающее, сколько регулирующее значение. Он ограничивает соблазн присвоения и гордого господства: если всё земное временно доверено человеку, то распоряжаться им следует с учётом чужой нужды и собственной нравственной ответственности. В этой перспективе богатство оценивается не по способности увеличивать личную славу, а по тому, каким образом оно

---

[3] Поучение Владимира Мономаха // Изборник. — М., 1969. — С. 146–154 (раздел нравственных наставлений о трёх добрых делах).

[4] Волкова А. А. «Поучение» Владимира Мономаха как синтез этических традиций византийской патристики и национального язычества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2023. — Т. 27, № 2. — С. 372–389. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-2-372-389.

используется. Сочетание преходящести земного имущества и обязанности благотворить придаёт смирению конкретное социальное измерение.

Важную роль играет напряжение между собственным достоинством человека и признанием его несовершенства. Смирение не делает правителя пассивным: он должен принимать решения, охранять близких, проявлять мужество, однако не считать себя непогрешимым. Мономах формирует идеал внутренне сдержанного деятельного человека, который способен управлять собой прежде, чем требовать послушания от других. Именно такая последовательность - от самодисциплины к общественному долгу - определяет логику нравственного воспитания.

Духовное совершенствование через труд, учение и самоконтроль

Призыв к труду занимает в тексте положение, сопоставимое с религиозными наставлениями. Автор осуждает праздность в домашнем хозяйстве, на войне и в служебных обязанностях, советует не перекладывать всю ответственность на тиуна или воеводу. В данном случае лень оказывается не простой бытовой слабостью, а нравственным риском: вслед за отказом от личного участия возникают небрежность, злоупотребление властью и опасность для людей, доверившихся князю.[5]

Следовательно, духовное развитие предполагает постоянный контроль над собственными привычками. Князь предостерегает от лжи, пьянства, неразумной роскоши, жестокости и нарушения данных обязательств. Эти запреты объединены общим основанием: человек, который не умеет ограничивать свои желания, рано или поздно причиняет ущерб окружающим. Напротив, способность управлять собой повышает доверие между людьми и делает возможной справедливую публичную деятельность.

Особенно значим призыв сохранять приобретённые умения и осваивать новые знания. Мономах приводит пример отца, владевшего несколькими языками, связывая стремление к учёбе не только с личным превосходством, но и с уважением со стороны других стран. Воспитание для него является открытым процессом: даже опытный человек нуждается в дальнейшей работе над собой. Из этой мысли вытекает важный вывод: нравственное совершенствование нельзя понимать как разовое достижение завершённого состояния; оно требует повторения, упражнения и готовности учиться.

Единство труда и духовной дисциплины подтверждается речевой организацией наставлений. Повторы повелительных конструкций, обращение к детям и перечисления создают ритм постоянного напоминания. Автор словно предвидит, что одного знания нравственных норм недостаточно: правила следует удерживать в памяти и ежедневно воплощать. Поэтому текст выполняет функцию духовного памятника не только для первого адресата, но и для последующих читателей, которых автор прямо допускает к своему обращению.

Милосердие и справедливость как общественное измерение покаяния

Наиболее выразительным свидетельством деятельной природы покаяния являются советы не забывать бедных, поддерживать сирот и вдов, защищать людей от произвола сильных. Здесь этика переносится из пространства личной молитвы в практику социальной защиты. Ответственность князя не исчерпывается заботой о собственном спасении: нравственная оценка распространяется на порядок, который он поддерживает, и на конкретные решения, принимаемые от его имени.

Такое понимание позволяет по-новому прочитать предписание об осторожности в вопросах лишения жизни. Строгие слова против убийства, в том числе человека, признанного виновным, обнаруживают предельную ценность человеческой души. В контексте средневекового княжеского управления это положение особенно существенно, поскольку адресовано тому, кто действительно располагает средствами наказания и принуждения. Даже если воплощение нормы в реальной политике оставалось

[5] Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI-XII века. – С. 456-475.

противоречивым, сама её артикуляция выражает стремление подчинить власть нравственному ограничению.[6]

Гостеприимство и уважение к людям независимо от их положения продолжают ту же линию. Князь напоминает о необходимости принять путника, поддержать больного, почтить умершего и обратиться к встречному с добрым словом. Речь идёт не о случайном наборе добродетелей: вместе они создают модель общества, в котором человеческое достоинство не сводится к статусу. Нравственная зрелость проявляется в обращении с тем, кто не может ответить равной властью или богатством.

В совокупности эти установки обнаруживают связь покаяния с практической справедливостью. Раскаяние в собственных страстях должно предотвращать жестокость по отношению к другим. Призыв не причинять вреда жителям и посевам во время поездок по собственным землям показывает, что моральный долг распространяется и на действия подчинённых. Вина и ответственность здесь не полностью совпадают: князь отвечает не за каждый частный проступок лично, но обязан устроить управление так, чтобы уменьшать возможность злоупотреблений.

Автобиографический рассказ как испытание нравственных принципов

Перечень разъездов, походов и охот во второй части произведения нередко воспринимается как хроника княжеской активности. Однако в композиции «Поучения» такой рассказ обретает нравственно-дидактическую функцию: он демонстрирует, что личный труд, стойкость и внимательность составляют реальные черты авторского поведения. Мономах не ограничивается требованием трудолюбия от своих детей, но предъявляет собственную биографию как пространство проверки произнесённых слов.

В то же время фактографический материал не следует рассматривать как доказательство полного соответствия идеалу. Список вооружённых столкновений, демонстрация охотничьей смелости и описание напряжённой политической жизни создают существенное противоречие с требованиями сдержанности и милосердия. Именно это противоречие делает исповедальную перспективу значимой: моральное совершенствование оказывается трудным и незавершённым делом человека, который не изъят из конфликтного исторического мира.

Исследование Г. Ю. Филипповского подчёркивает диалогическое начало и сложность литературно-политической структуры памятника. Такое наблюдение позволяет прочитать «автобиографию» не как самостоятельный светский текст, а как звено единой авторской аргументации, обращённой к проблемам нравственного поведения правителя и сохранения согласия на Руси.[7]

С этой точки зрения перечисление собственных трудов выступает одновременно и оправданием, и самоотчётом. Князь стремится передать опыт, но само стремление наставить других предполагает обязанность вновь измерять прожитое нравственным законом. Покаяние не требует здесь отрицания всей прошлой деятельности. Оно требует изменить отношение к собственному успеху: благодарность Богу и понимание зависимости человеческой судьбы от высшей воли должны удерживать героя от самодовольства.

Прощение и примирение в послании Олегу Святославичу

Наиболее драматичное воплощение темы покаяния обнаруживается в письме Владимира Мономаха к Олегу Святославичу. Послание связано с гибелью сына князя Изяслава в межкняжеском столкновении 1096 года. Личная утрата могла стать основанием для новой мести, однако адресату предлагается иной путь - прекращение вражды, восстановление родственного согласия и отказ от дальнейшего разрушения

[6] Поучение Владимира Мономаха // Изборник. – М., 1969. – С. 146-171; сопоставление нравственных предписаний о вдовах, сиротах и запрете убийства.
[7] Филипповский Г. Ю. Роль Владимира Мономаха в развитии литературы и государственности Руси // Язык и текст. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 74-85. DOI: 10.17759/langt.2024110107.

Русской земли. Здесь абстрактная норма прощения соприкасается с трагическим опытом, и потому приобретает особую убедительность[8].

В композиционном отношении письмо важно тем, что субъект морального выбора находится не в позиции стороннего судьи, а внутри самой обиды. Мономаху предстоит преодолеть естественное желание возмездия, не устраняя боли от потери. Примирение не означает признания насилия приемлемым: напротив, князь стремится разорвать цепь взаимных обид. Поэтому прощение следует понимать как активное этическое решение, требующее внутреннего усилия и способности ограничить собственную власть.

Особую роль играет обращение к мотивам Страшного суда, покаяния и братской любви. Перед лицом окончательной нравственной ответственности межкняжеский конфликт перестаёт быть только вопросом наследственных прав и политических преимуществ. Враждующие стороны оказываются людьми, нуждающимися в прощении. Изменение масштаба оценки - от личной победы к ответственности перед Богом и людьми - составляет основное духовное движение послания.

Нельзя, однако, превращать письмо в доказательство бесконфликтности автора или преувеличивать устойчивость достигнутого примирения. Текст выражает нравственную позицию и политическое стремление князя, но не даёт исчерпывающих сведений о психологических мотивах всех участников событий. Для литературоведческого анализа важнее другое: письмо моделирует возможность выхода из ситуации, где месть кажется привычным продолжением насилия. Таким образом, покаяние оказывается не только личной добродетелью, но и основой коллективного мира.

Художественные средства выражения духовного идеала

Нравственно-философская концепция «Поучения» воплощается не только в системе идей, но и в способах организации речи. Обращения к детям, повторяющиеся императивы, библейские реминисценции и перечислительные ряды формируют интонацию доверительной, но требовательной беседы. Автор выступает одновременно учителем и человеком, который сам нуждается в милосердии. Такое совмещение речевых позиций исключает однозначную модель непогрешимого наставника.

Для текста характерно движение от общей нормы к наглядному случаю. Сначала утверждается ценность молитвы, милосердия и умеренности; затем называются ситуации управления, похода, общения с подчинёнными, обучения и приёма гостей; наконец, в автобиографическом повествовании и письме эти требования соприкасаются с пережитым опытом. Подобная композиционная логика превращает нравственный принцип в проверяемую практику и облегчает усвоение наставления читателем.

Не менее значима семантика противопоставлений: гордость - смирение, праздность - труд, месть - прощение, богатство - милосердие, внешняя слава - память о смерти. Однако эти пары не существуют как отвлечённые аллегории; они привязаны к ситуациям, в которых человек должен выбрать линию поведения. Нравственный конфликт раскрывается не через сложную вымышленную интригу, а через напряжённость жизненного решения. Именно в этом проявляется художественная выразительность «Поучения» как текста, соединяющего наставление и личное свидетельство.

Библейская образность придаёт авторским рассуждениям универсальный масштаб, тогда как бытовые и государственные детали сохраняют историческую конкретность. Переход от молитвенного обращения к совету о хозяйстве не является случайным стилистическим разрывом. Он отражает целостность средневекового христианского мировидения, в котором забота о душе должна направлять повседневные поступки. Поэтому эстетическая форма произведения служит его этической задаче - соединить слово и дело.

---

[8] Поучение Владимира Мономаха // Изборник. – М., 1969. – С. 146-171, письмо к Олегу Святославичу; примечания к посланию: с. 709-713.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что покаяние составляет один из организующих принципов «Поучения» Владимира Мономаха. Оно не ограничивается признанием грехов и религиозным переживанием, а выражается в последовательной работе человека над своими желаниями, привычками и поступками. Триада покаяния, слёз и милостыни связывает внутреннее очищение с заботой о других, а смирение и память о смерти препятствуют превращению властного положения в нравственную вседозволенность.

Духовное совершенствование в памятнике имеет деятельную природу. Неустанный труд, освоение знаний, защита слабых, умеренность, верность обязательствам и милосердное отношение к людям составляют конкретные формы нравственного роста. В особенности существенно, что ответственность правителя распространяется на последствия его решений и действия подчинённых. Тем самым частное спасение души оказывается связано с общественной справедливостью.

Сопоставление наставлений, автобиографического рассказа и письма к Олегу Святославичу показывает, что нравственный идеал проверяется там, где его реализация наиболее трудна: в ситуации власти, вооружённого столкновения, личной скорби и искушения местью. Авторское стремление к примирению не устраняет исторических противоречий, но фиксирует возможность морального выбора вопреки им. Это позволяет определять «Поучение» одновременно как дидактическое произведение, форму светского нравственного самоотчёта и литературное свидетельство становления представлений о личной ответственности.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сопоставление покаянной проблематики «Поучения» с древнерусской агиографией, княжескими завещаниями и византийской наставительной традицией. Такое сравнение поможет точнее определить границы общих христианских мотивов и индивидуального авторского опыта, не сводя оригинальность памятника ни к прямому заимствованию, ни к внеисторической универсальности его моральных требований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимир Мономах. Поучение / подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачёва // Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси. - М.: Художественная литература, 1969. - С. 146–171; примечания: с. 709–713.
2. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 1: XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. - СПб.: Наука, 1997. - 543 с. - «Поучение Владимира Мономаха»: с. 456–475.
3. Волкова А. А. «Поучение» Владимира Мономаха как синтез этических традиций византийской патристики и национального язычества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. - 2023. - Т. 27, № 2. - С. 372–389. - DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-2-372-389.
4. Дорофеева Л. Г. Мотив покаяния и сюжетные особенности «Автобиографии» Владимира Мономаха // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - 2011. - Вып. 8. - С. 128–132.
5. Филипповский Г. Ю. Роль Владимира Мономаха в развитии литературы и государственности Руси // Язык и текст. - 2024. - Т. 11, № 1. - С. 74–85. - DOI: 10.17759/langt.2024110107.
6. Лихачёв Д. С. Поучение Владимира Мономаха: перевод и комментарии // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI - начало XII века / сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв. - М.: Художественная литература, 1978. - С. 393-413, 459-463.